

ТЕОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Микро-макро и агент-структурная интеграция

Глава 3. Теория современного социального
общества: основные школы

В данной лекции мы рассмотрим два ведущих направления в современной социологической теории. Мы проследим ее динамику начиная с 1980-х гг., когда в Соединенных Штатах отмечалось бурное развитие социологии, продолжающееся и по сей день. Хотя здесь не обойтись без упоминания предшественников современных теорий, сыгравших важную роль в социологии. Сначала мы обсудим соотношение микро- и макросвязей. Далее мы рассмотрим развитие социологической теории, в широком масштабе происходившее в Европе — что было вызвано повышением интереса к взаимосвязи между действием и структурой. Мы рассмотрим сходство и разницу между работами американских ученых по микро- и макроинтеграции и европейскими теориями о деятельности социальных агентов и структуре. Эти два направления сами могут рассматриваться как примеры теоретического синтеза, а значит и как один из этапов широкого движения к этому синтезу.

Примеры микро-макро интеграции

Интегрированная социологическая парадигма

Данная лекция начинается с описания попытки Ритцера создать модель микро-макро интеграции. Мы рассмотрим вопрос интеграции микро- и макропозиций в том виде, как он выражен интегрированной парадигмой. Следует отметить, что взгляд Ритцера на интегрированную парадигму в целом и, в частности, на такого рода интеграцию, сформировался под влиянием творчества ряда предшественников, особенно Абрахама Эделя и Джорджа Гурвича. Гурвич считает, что социальный мир можно изучать с точки зрения «горизонтальных» уровней. Смелзер выделяет четыре уровня. Они представлены по восходящей от микро- к макропорядку: формы социальности, групповые образования, социальные классы, социальная структура и глобальная структура. Чтобы дополнить эту иерархию, Гурвич также предлагает десять «вертикальных», или «глубинных», уровней, начиная от наиболее объективных социальных явлений (например, экологические факторы) и заканчивая наиболее субъективными явлениями (например: коллективные представления и ценности, коллективный разум). Гурвич перекрещивает горизонтальные и вертикальные измерения для того, чтобы получить многочисленные уровни социального анализа. В своей работе по интегрированной социологической парадигме, опираясь на достижения Гурвича, Ритцер пытался создать более емкую модель. Она начинается с микро-макро континуума, который Гурвич представляет в виде горизонтального уровня. Континуум идет от индивидуального мышления и действий к мировым системам. К данному континууму добавляется объективно-субъективный континуум, который соответствует вертикальному уровню Гурвича. Он варьируется от материальных явлений, как например индивидуальные действия и бюрократические структуры, до нематериальных явлений, как например: сознание, нормы и ценности. Следуя за Гурвичем, Ритцер перекрещивает эти два континуума. Но в его модели в результате получается не множество, а всего лишь четыре уровня социального анализа, что значительно упрощает их изучение.

По мнению Ритцера, проблему взаимосвязи микро – и макроуровней нельзя рассматривать в отрыве от объективно-субъективного континуума. Все социальные явления как микро-, так и макропорядка — объективны или субъективны. Поэтому должны существовать четыре основных уровня социального анализа, и социологи должны исследовать диалектическую взаимосвязь между ними. Макрообъективный уровень включает масштабные материальные явления — например: общество, бюрократия и технология. Макросубъективный уровень охватывает масштабные нематериальные явления — например: нормы и ценности. Микрообъективность подразумевает частные явления — как например: действия и взаимодействия. И наконец, микросубъективность включает личные ментальные процессы, с помощью которых люди конструируют социальную реальность. Каждый из этих четырех уровней важен сам по себе, однако наибольшее значение имеет динамическая связь между ними. Ритцер использовал интегративный подход в работе «Выражая Америку: критика глобального общества кредитных карточек».

В частности, он обратился к идеям Райта Миллза относительно взаимодействия между микроуровневыми личными и макроуровневыми общественными проблемами при анализе проблемных ситуаций, вызванных использованием кредитных карточек.

Личные проблемы — это те, что влияют на индивида и его непосредственное окружение. Например, муж, который бьет жену, создает проблемы для своей супруги, других членов семьи и, возможно, для себя (особенно если вступает в действие закон). Однако действия отдельно взятого мужа, бьющего жену, не порождают общезначимой проблемы: эти действия не приведут к массовому протесту за отмену брака как социального института. Общественные проблемы, как правило, затрагивают большое количество людей и общество в целом.

Общественной проблемой было бы разрушение брака как института из-за увеличения случаев избиения женщин. Между личными неурядицами и социально значимыми проблемами существуют различные взаимосвязи. Например, широкое распространение личных проблем может вырасти в общественную проблему, которая, в свою очередь, послужит причиной еще большего количества личных проблем. Ритцер исследует широкий спектр обеих категории проблем, связанных с кредитными картами. Давайте рассмотрим его аргументацию и интегрированный подход к соединению микро- и макроуровней на примере задолженностей по потребительскому кредиту.

На макроуровне совокупная потребительская задолженность стала общественной проблемой, поскольку значительное и растущее количество людей становится должниками компаний, выпускающих кредитные карты. Следствием растущей потребительской задолженности является увеличение числа правонарушений и случаев банкротства. К макроуровню также относится роль правительства в потворстве росту задолженностей из-за своей склонности к накоплению долга. Большую роль в том, что люди увязают в долгах, играют компании, выпускающие кредитные карты, которые делают все возможное, чтобы распространить их среди как можно большего числа пользователей. Например, все большее количество людей получают по почте извещения о том, что им предоставляются уже оформленные кредитные карточки. Можно легко приобрести значительное количество карточек с внушительным размером перечисленного на них совокупного кредита. Возможно, наибольшее порицание вызывает привлечение студентов и старшеклассников к открытию кредитных карточек. Молодых людей стараются поймать на «кредитный крючок». Такие действия, несомненно, представляют общественную проблему, создающую личные трудности для бесчисленного количества людей.

Описанные здесь виды личных трудностей в совокупности порождают общезначимые проблемы. Как мы уже видели, такие действия, как предложение уже оформленных кредитных карточек и вербовка молодых студентов, способствуют возникновению личных сложностей. Таким образом, между личными проблемами и общественными проблемами, взаимно усиливающими друг друга, существует диалектическая связь. В более общем плане, приведенный пример с кредитными карточками показывает, как интегрированные микро- и макроподход применяют к изучению актуальной социальной проблемы.

Многомерная социология

Джеффри Александер предложил понятие «новая теоретическая логика социологии». Она затрагивает «социологическое мышление на каждом уровне интеллектуального континуума». В этом аспекте Александер называет социологию многомерной. Хотя многомерность имеет в его работе несколько значений, наиболее уместно говорить о многомерном понимании уровней социального анализа. Давайте сначала разберем, что Александер (вслед за Парсонсом) называет проблемой порядка. Ученый полагает, что микро- и макроконтинуум (т. е. «индивидуальный или коллективный уровень анализа») связан с тем, как в обществе на разных уровнях создается упорядоченность.

На макроуровне континуума порядок складывается извне и является по своей природе коллективистским; т. е. он порождается общественными явлениями. На микроуровне упорядоченность возникает из интернализованных факторов, она индивидуалистична по своей

природе: порядок проистекает из индивидуальных договоренностей. К проблеме порядка добавляется, в классически парсоновской манере, проблема действия. Действие подразумевает материалистически-идеалистический континуум, соответствующий объективно-субъективному континууму, который мы упоминали ранее в интегрированной социологической парадигме. Как материальное, действие описывается в качестве инструментального, рационального и обусловленного. Как нематериальное, оно представляется нормативным, нерациональным и аффективным.

Скрещивая предложенные Александром континуумы порядка и действия, мы получаем четыре уровня социального анализа, похожие на модель Ритцера. Несмотря на то, что терминология различается, между моделями Александра и Ритцера почти нет различий. Отличие состоит в том, как мы соотносим четыре указанных уровня. Ритцер уделяет внимание их диалектической взаимосвязи, а Александр акцентирует один из уровней. Он считает, что «теоретически ошибочно» отдавать предпочтение микроуровню и критически оценивает символический интеракционизм. Также он критикует те теории, которые отталкиваются от индивидуально-нормативного уровня нерациональной произвольной деятельности и выстраивают макроуровни на его основе.

По его мнению, недостаток этих теорий состоит в том, что, сохраняя понятия индивидуальной свободы и волюнтаризма, они не способны исследовать особую природу коллективных явлений. Александр также критикует теории, которые отталкиваются от индивидуально-инструментального уровня и переходят от него к макроуровневым структурам экономики, как например, теория обмена. По его мнению, такие теории не в состоянии адекватно изучить макроуровневые явления. Александр подвергает критике все теории, которые берут начало на микроуровнях и стремятся объяснить явления макроуровня на их основе.

Александр высказывает несогласие с коллективно-инструментальными теориями, которые придают особое значение принудительному порядку и отрицают индивидуальную свободу, как например экономический и структурный детерминизм. Суть его возражений заключается именно в том, что такие теории не учитывают индивидуальную деятельность. Хотя Александр занимался изучением взаимосвязей между всеми четырьмя уровнями своей модели, его симпатии находятся на стороне коллективно-нормативного уровня и тех теорий, которые от него отталкиваются. Это неудивительно, учитывая его парсоновские и структурно-функционалистские корни. По его утверждению, «надежда на соединение коллективного порядка и индивидуального волюнтаризма лежит в русле нормативной, а не рационалистической традиции». Принципиальное значение имеет точка зрения ученого, который предпочитает именно такую ориентацию, поскольку источники порядка интернализированы в совести, а не экстернализованы, как это происходит в случае с коллективно-инструментальной ориентацией. Таким образом, этот подход к интернализации норм учитывает как порядок, так и произвольную деятельность. В целом, согласно утверждению Александра, любой индивидуальный, или микро-, подход следует отвергнуть, поскольку он приводит к «беспорядочности и полнейшей непредсказуемости», а не к порядку. Таким образом, «общие очертания социальной теории могут быть выведены только из коллективистской перспективы». Выбирая из двух коллективистских направлений, Александр занимает коллективно-нормативную позицию.

Следовательно, с точки зрения Александра, социальные теоретики должны выбирать либо коллективистские макро-позиции, либо индивидуалистский микро-подход. В первом случае возможен лишь «относительно небольшой» элемент индивидуального соглашения. Если же предпочтение отдается индивидуалистской теории, тогда возникает «индивидуалистическая дилемма» в попытке ввести в теорию сверхиндивидуальные явления, чтобы объяснить присутствующие в ней элементы беспорядочности. Данную дилемму можно разрешить только, «если оставлена формальная приверженность индивидуализму».

Таким образом, хотя Александр использует четыре уровня анализа, которые в значительной степени сходны с моделью Ритцера, между этими двумя теориями обнаруживается существенная разница. Александр придает первостепенное значение коллективно-нормативным теориям и роли норм в социальной жизни. Ритцер же отказывается считать важнейшим какой-либо уровень и выступает за необходимость изучения диалектической взаимосвязи между ними. В итоге Александр преувеличивает значение субъективных макроявлений, что весьма

ограничивает его вклад в развитие теории микро-макро интеграции. В своей более поздней работе ученый заявил: «Я считаю, что теоретики производят ошибочное обобщение, переходя от отдельной переменной к непосредственному воссозданию целого». Но Александер сам — один из этих теоретиков, поскольку он стремится произвести ошибочное обобщение, переходя от коллективно-нормативного уровня к остальному пространству социального мира.

Не указывая непосредственно на работы Александера, Гидденс пришел к аналогичному выводу о том, что все работы, перенимающие парсоновское различие действия и порядка, в итоге неизбежно слабы на микроуровнях, особенно в области «знания социальных акторов как составной части общественных практик. Гидденс не думает, что какая-либо точка зрения, основанная на теории Парсонса, может удовлетворительным образом изучить этот вопрос, составляющий самое ядро социальной теории». Все же следует отметить, что Александер сформулировал более интегративный подход, определяющий взаимообусловленность понятий микро и макро. Свою точку зрения он формулирует следующим образом: «Коллективное окружение действия одновременно и вдохновляет, и ограничивает его. Если верна моя концепция действия, это окружение будет рассматриваться в качестве его продукта; если я могу правильно построить концепцию окружения, действие будет считаться его конечным результатом». Это уже более сложное, диалектическое понимание микро-, макросвязи. Оно во многом схоже с моей интегрированной социологической парадигмой, в отличие от его более ранней модели.

Микрооснования макросоциологии

В своем эссе под названием «О микро-основаниях макросоциологии» Рэндалл Коллинз предложил редукционистский подход к вопросу о соединении микро- и макроуровней. Хотя из названия эссе можно предположить, что в нем утверждается обобщенный подход, сам Коллинз называет его «радикальной микросоциологией». Предмет исследования ученого, главная тема его радикальной микросоциологии — так называемые «ритуальные цепочки взаимодействия» или сплетения «индивидуальных цепей опыта взаимодействий, перехлестывающихся в пространстве и времени». Исследуя такие ритуальные цепи, Коллинз избегает подходов, которые фокусируются на индивидуальном поведении и сознании, что представляется ученому еще большим редукционизмом. Его анализ распространяется на процессы взаимодействий, их «цепочки» и «рыночное пространство». Таким образом, Коллинз отбрасывает крайности микроуровня — как в плане мышления, так и действия, подвергая критике теории, которые фокусируются именно на этом. Как например, феноменологию и теорию обмена.

Коллинз также дистанцируется от теорий, которые сосредоточиваются на явлениях макроуровня. Например, он критикует последователей структурного функционализма, которые в основном интересуются макрообъективным явлением (т. е. структурой) и макросубъективным явлением (т. е. нормой). Он даже говорит, что «терминологию норм следует изъять из социологической теории». Он негативно относится и к концепциям, связанным с теорией конфликта. Например, он утверждает, что нет таких «неотъемлемых объективных» сущностей, как собственность или власть; есть только «испытываемые людьми в определенных местах и в определенное время разнообразные ощущения того, насколько сильны эти принуждающие коалиции». Он считает, что только люди способны что-либо реально сделать; структуры, организации, классы и общества «никогда ничего не делают. Любое объяснение причин должно, в конечном счете, сводиться к действиям реальных индивидов».

Коллинз стремится доказать, что «все макроявления» можно свести «к комбинациям микрособытий». Социальные структуры могут быть эмпирически переведены в «модели повторяемого микровзаимодействия». Таким образом, Коллинз отказывается от подхода, построенного на принципах интеграции. Он выделяет теории и явления микроуровня в качестве приоритетных. Как утверждает Коллинз, «попытка последовательного построения макросоциологии на исключительно эмпирических основаниях микроуровня является важнейшим этапом на пути к более успешным достижениям в социологической науке».

Подход Коллинза можно противопоставить теоретическому направлению Карин Кнорр Цетины. Хотя она тоже придает немалое значение сфере взаимодействий, в ее работе большая роль отведена сознанию, а также явлениям макроуровня. Кнорр Цетина, как и Коллинз, приводит доводы в пользу радикальной перестройки макросоциологии на основе микросоциологии, однако она менее радикальна в этом плане. Она стремится к простому объединению микросоциологических результатов в макросоциальную теорию. Кроме того, она разделяет представление о том, что конечная цель микросоциологического исследования — лучшее понимание общества, его структуры и институтов. Она говорит: Я... верю в тот очевидный парадокс, что именно с помощью микросоциальных подходов мы наилучшим образом узнаем о макропорядке, потому что они, благодаря своему откровенному эмпиризму, позволяют увидеть реальность, о которой мы говорим. Конечно, нам не понять целого, если нашим предметом станет только детальное фиксирование непосредственного взаимодействия людей. Однако для начала этого может оказаться достаточно, если мы ощущаем пульсацию макропорядка. Из этого видно, что Кнорр Цетина занимает более сбалансированную позицию относительно взаимосвязи макро- и микроуровней, нежели Коллинз.

«Ни микро-, ни макроструктуры не являются автономными уровнями анализа, они неразрывно связаны благодаря взаимодействию друг с другом. Это нельзя не учитывать, несмотря на выгоду и сомнительное удовольствие рассматривать только один из уровней».

Сикурел косвенно критикует подход Коллинза. Также он более откровенно критикует точку зрения Коллинза: «Вопрос не только в игнорировании того или иного уровня анализа, а в демонстрации того, как их следует интегрировать. Нельзя пренебрегать одним уровнем ради другого, для удобства отвергая иные исследовательские и теоретические рамки».

К своей чести, Сикурел не только понимает важность объединения макро- и микроуровней, но и осознает, что такого рода интеграция носит онтологический, теоретический и методологический характер.

Какое-то время Коллинз придерживался редукционизма, продолжая изучать явления микроуровня. Например, в одной из своих поздних работ он утверждал: «Макроструктура состоит исключительно из большого числа микровзаимодействий, которые повторяются (или порой изменяются) во времени и в пространстве». Ученый откровенно признался: «Это звучит так словно наибольшее значение я придаю микроуровню. И это правда». Всего год спустя Коллинз попытался изменить соотношение, показать существенную значимость макроуровня. Это привело к тому, что он предложил более взвешенную концепцию взаимосвязи микро- и макроуровней: «Переход от микро- к макроуровню показывает, что все «макро» состоит из микро. И наоборот, всё микро- — часть макроструктуры: оно существует в макроконтексте... и возможно проследить связи микро- и макроуровней в любом из направлений». Последнее утверждение в значительно большей мере диалектично. Тем не менее Коллинз, как и Коулмен, считает, что «главное требование» к социологии, — это показать, «каким образом микроизмерение влияет на макро». Следовательно, теория Коллинза остается достаточно ограниченным подходом.

Основные теории интеграции действия и структуры

Теория структуризации

Одну из наиболее известных и отчетливых попыток интеграции действия и структуры представляет собой структуриационная теория Энтони Гидденса. Гидденс утверждает, что «любое научное исследование в сфере социальных наук или истории занимается соединением действия и структуры. Никким образом нельзя говорить о том, что структура определяет действие или наоборот». Несмотря на то, что Гидденс не марксист, марксистская теория повлияла на его творчество. Он сам считает свое «Строение общества» развернутым рассуждением об одном из высказываний Маркса, носящем по своей сути интегративный характер: «Люди сами творят историю, но они ее делают не так, как им вздумается; они творят ее при обстоятельствах,

которых сами не выбрали, а с которыми непосредственно сталкиваются, которые даны им и унаследованы от прошлого».

Теория Маркса – лишь один из множества источников структурационной теории. Так или иначе, Гидденс проанализировал и критически разобрал большинство важнейших теоретических подходов и извлек из них ряд полезных идей. Теория структурирования необычайно эклектична; фактически Крейб выделяет девять основных источников концепции Гидденса. Гидденс изучает множество теорий, которые исходят как от индивида (например, символический интеракционизм), так и от общества (например, структурный функционализм) и отвергает обе противоположные альтернативы.

Он утверждает, что мы должны отталкиваться от «повторяющихся социальных практик». Уточняя, он пишет: «Основная сфера исследования в социальных науках, согласно теории структурирования, есть не опыт индивидуального актора и не существование какой-либо формы социальной целостности, а социальные практики, упорядоченные во времени и пространстве». Структурационная теория Гидденса с ее вниманием к социальным практикам по сути тоже представляет собой теорию взаимосвязи между действием и структурой. Таким образом, действие и структуру невозможно понять в разрыве друг от друга; это две стороны одной и той же медали. Говоря языком Гидденса, они представляют собой дуальность. Любое социальное действие включает в себя структуру, а любая структура предполагает социальное действие. Действие и структура неразрывно переплетены в текущей человеческой деятельности или практике.

Как уже отмечалось, аналитической точкой отсчета для Гидденса становятся человеческие практики, но он настаивает на том, чтобы они понимались как повторяющиеся. Иначе говоря, действия «не порождаются социальными акторами, а постоянно ими воспроизводятся с помощью тех самых средств, которые помогают им выражать себя как акторов. В этих действиях и их посредством агенты создают условия, которые делают эти действия возможными». Таким образом, действия не порождаются сознанием, социальным конструированием реальности. Не создаются они и социальной структурой. На самом деле, выражая себя как акторы, люди участвуют в практике, и именно через практику создаются и сознание, и структура.

Рефлексивны не только социальные акторы, но и социальные исследователи, изучающие их. Эта идея приводит Гидденса к его известным рассуждениям о «двойной герменевтике». И социальные акторы, и социологи пользуются языком. Акторы используют язык для объяснения своих действий, а социологи, в свою очередь, используют язык для толкования действий социальных акторов. Таким образом, необходимо обратить внимание на взаимосвязь между обыденным и научным языком. Особенно следует осознать тот факт, что понимание социального мира социальным ученым может оказывать влияние на понимание изучаемых им акторов. Таким способом социальные исследователи могут изменять мир, который изучают, и приходиться к искаженным результатам и выводам.